

Глава 18

— Господин! Господин, да проснитесь же вы! Человек умирает!

Чу Цзюинь через силу открыл глаза. Перед ним маячил смутный человеческий силуэт.

Снаружи бушевала гроза. Гром гремел так неистово, что Чу Цзюинь не мог разобрать ни слова из того, что ему кричали. Решив, что это лишь продолжение сна, он глухо чмокнул губами, зарылся лицом поглубже в парчовое одеяло и собрался было перевернуться на другой бок.

Видя такое дело, Цзя Лун заголосил ещё отчаяннее:

— Господин! Чу Цзюинь! Вставай, беда пришла! Очнись!

Растрепанный, как воронье гнездо, Чу Цзюинь резким движением оттолкнул управляющего.

— Только задремал, кости ещё не расслабились... — недовольно проворчал он. — Что ты мне над ухом воешь, как по покойнику?!

— Так ведь и вою! — выпалил Цзя Лун.

Времени на объяснения не оставалось. Управляющий, не мешкая, набросил на плечи господина верхнее платье и, даже не дав тому обуться, потащил его к выходу.

Чу Цзюинь окончательно стряхнул остатки сна. Почувяв неладное, он ускорил шаг.

— Ты что несёшь? Кто умирает?

Придя в себя, он заметил, что борода, волосы и всё платье Цзя Луна промокли насквозь. За ним по красному ковру тянулась цепочка грязных следов.

— Дождь стеной, а ты где-то шлялся? — нахмурился Чу Цзюинь. — Что за манера — среди ночи в грязи валяться?

Цзя Лун немного замедлился, пытаясь перевести дух.

— Я только что из дворика Янь Цзыюня. Он... он почти кончился. Я так спешил к вам с докладом, что даже забыл накинуть защитный барьер от дождя...

Остальное Чу Цзюинь пропустил мимо ушей. В голове набатом забилося только одно: Янь

Цзызюнь умирает.

Как же так? Совсем недавно этот наглец дерзил ему, изводил своими колкостями, в грош не ставил. И вдруг — смерть?

Чу Цзюинь ожидал, что весть о гибели врага принесёт ему небывалую радость, вознесёт на седьмое небо от восторга. Но когда это случилось на самом деле, да ещё и по его собственной указке, на душе стало гадко. Вместо торжества он почувствовал липкий страх и укол раскаяния. Он просто не знал, что теперь делать.

Резко взмахнув рукавом, Чу Цзюинь вырвал руку из хватки управляющего и замер на месте.

— Пстой. Рассказывай всё по порядку.

Цзя Лун сглотнул.

— Вы ведь сами велели Дэн Туну и остальным проучить его... Те сразу и взялись за дело. Выволокли Янь Цзызюня во двор, прижали к скамье и принялись забивать до смерти.

Чу Цзюинь отер холодный пот со лба.

— Да, я приказал их высечь.

— Эти братья слушают только вас. Мы пытались их остановить — бесполезно! — сокрушался Цзя Лун. — Я караулил рядом, боялся беды. Мальчишка уже и кричать перестал, только хрипел. Тогда я понял: дело дрянь. Через передающий звук хайтан позвал Ху Бинцин. Та примчалась с людьми, повязала этих остолопов, и только тогда я смог забрать его.

Чу Цзюинь осознал масштаб катастрофы. То, что Цзя Лун в открытую пошёл против его воли, в любое другое время не сошло бы управляющему с рук. Но сейчас Чу Цзюинь был лишь благодарен ему за это, хоть и не мог признаться вслух из гордости.

— Господин, как бы ни был ненавистен вам Янь Цзызюнь, как бы вы ни хотели его помучить — он не должен умереть от наших рук! Небесное испытание уже близко, боюсь, вы его не переживёте с таким грехом на душе... Да что толку говорить, поспешим же!

Чу Цзюинь кивнул. Две тени — чёрная и жёлтая — вспорхнули и мгновенно растворились в ночном небе, устремляясь на северо-запад.

***

Добравшись до места, Чу Цзюинь, не дожидаясь Цзя Луна, сорвался с места и пинком распахнул дверь.

Маленький дворик превратился в грязное месиво. Потоки воды с шумом низвергались с крыши. В тесной каморке яблоку негде было упасть: слуги теснились внутри, а те, кому не хватило места, мокли под навесом, вытягивая шеи и заглядывая в проём.

Заметив хозяина, толпа притихла и расступилась, пропуская его вперёд. Большинство этих слуг были из низших рангов, Чу Цзюинь их и в лицо-то не знал. Он быстро отыскал взглядом Ху Бинцин — её глаза распухли и покраснели от слез.

Чу Цзюинь бросил на неё вопросительный взгляд. Женщина, всхлипывая, едва выдавила из себя:

— Всё правда... Цзюнь-гэер отходит!

Цзя Лун махнул рукой, выпроваживая лишних свидетелей. В комнате остались только Чу Цзюинь и Ху Бинцин.

— Какое же преступление совершил Янь Цзызюнь, раз господин так его наказал? — решила спросить женщина, когда они остались одни.

Чу Цзюинь промолчал. Он смотрел на Янь Цзызюня, лежащего ничком на узкой кровати.

Слова Цзя Луна о «тяжёлых ранах» не шли ни в какое сравнение с тем, что Чу Цзюинь увидел своими глазами. У него похолодело внутри.

На Янь Цзызюне осталась лишь тонкая нательная рубаша. Ниже пояса плоть была обнажена для обработки ран. Белоснежная когда-то кожа теперь превратилась в сплошной синяк — багровый, синий, истерзанный в клочья. Раны уходили глубоко под простыни, скрывая самое страшное.

Чу Цзюинь подошёл ближе и откинул одеяло. Израненные ягодицы выглядели ещё хуже, чем поясница. Поверхностная повязка, сделанная наспех, пропиталась кровью. Глядя на это кровавое месиво, Чу Цзюинь ощутил резкую боль в глазах.

— Что за недоумки это делали? Разве так перевязывают? — прорычал он, теряя самообладание.

Сам того не замечая, он принялся осторожно снимать присохшую марлю.

— Кровь же совсем не циркулирует! Так он скорее от застоя сгниёт, чем от ран!

Несмотря на всю осторожность Чу Цзюиня, боль была невыносимой. Для полуживого Янь Цзызюня это прикосновение было подобно удару ножа в самое сердце. Он на миг пришёл в сознание.

Разум его был в тумане, он не понимал, кто перед ним, но инстинктивно почувствовал — его пытаются спасти. Он крепко стиснул зубы, сжал кулаки, а тело его забило в крупной дрожи, словно от невыносимого холода. Он пытался сжаться в комок, спрятаться от этой боли, раздирающей нутро.

Видя его в таком состоянии, Чу Цзюинь впервые почувствовал к своему врагу что-то похожее на жалость.

Заметив, что Ху Бинцин всё ещё стоит рядом, он сорвался на крик:

— Глупая девчонка! Сейчас он совсем голый будет, а ты тут глаза пялишь? Не стыдно?

Та опомнилась и тут же закрыла лицо ладонями.

— Ну что за бестолковая! — продолжал ругаться Чу Цзюинь. — Толку от того, что ты стоишь тут истуканом? Живо носи горячую воду и чистые полотенца!

Ху Бинцин, как ошпаренная, вылетела за дверь. Через минуту всё необходимое было на месте. Чу Цзюинь, не слушая причитаний, выставил её вон.

Заперев дверь, он принялся за дело. Осторожно смыл запекшуюся кровь, проткнул чистой водой раны и потянулся к мешочку Цянькунь. Достав нефритовый флакон с изумрудной мазью, он набрал немного на палец. Дюйм за дюймом он втирал целебный состав в растерзанную плоть. Когда работа была закончена, оба — и целитель, и раненый — были мокрыми от пота.

Лицо Янь Цзызюня из мертвенно-бледного стало землисто-желтым. На лбу выступили крупные капли испарины. Сам Чу Цзюинь, созерцая это кровавое месиво, чувствовал, как внутри всё сжимается. Сердце его колотилось, а по спине стекал холодный пот.

Он привык к сражениям, привык видеть смерть и увечья. Но сегодня, глядя на эти раны, он ощущал странную пустоту в животе.

«Будь всё проклято... В этом доме столько народу, и ни одного путного лекаря!» — злился он на себя, хотя и понимал, что лекари им никогда не были нужны. Любую хворь обычно лечил Цзя Лун своими снадобьями.

Вглядываясь в профиль спящего Янь Цзызюня, он невольно отметил, что даже в болезни тот остаётся удивительно красив. В памяти всплыл тот день в горах, у пруда. Он вспомнил Янь Цзызюня в воде — ослепительно белая кожа, изящные линии тела, которые тогда так

бесстыдно ласкал Чжу Тяньган... Контраст между тем живым сиянием и нынешним растерзанным телом был слишком велик.

От этих мыслей Чу Цзюиню захотелось отвесить самому себе оплеуху.

За тысячу лет культивации он почти достиг бессмертия. Если бы двенадцать лет назад этот проклятый Янь Цзызюнь не обманул его, едва не лишив всех сил, он бы уже давно вознёсся. Чтобы не отвлекаться на мирские страсти и сохранить мужскую эссенцию Ян, он всегда держался особняком. Слуги шептались за спиной, мол, господин не знает любви и не понимает человеческих чувств — и они были правы.

Но с тех пор, как он узнал о домогательствах Чжу Тяньгана, внутри него что-то надломилось. Глядя на Янь Цзызюня, он не мог не признать: этот негодяй наделён редкой красотой. Чистый взгляд, мягкий голос... совсем не такой, как у него самого — вечно вспыхивающего, как порох.

Тот случайный «спектакль», который он подсмотрел в лесу... Облик этого «сердечного друга» в объятиях паука-оборотня оказался пугающе соблазнительным. Искушающим. Прекрасным до дрожи.

Тогда, сбежав с его одеждой, Чу Цзюинь долго вдыхал аромат, оставшийся на ткани, и с ужасом понял: тысячелетняя выдержка дала трещину. Заклинание Очищения сердца и спасения мира, которое он твердил веками, больше не спасало. Это бесило его, приводило в ярость. Как посмели эти двое — похотливый Чжу Тяньган и бесстыдный Янь Цзызюнь — так осквернить его помыслы?

Тогда он в сердцах уничтожил половину своего сада хризантем...

Он понимал, что Цзя Лун тогда присочинил лишнего, но из чувства вины решил больше не поминать об этом.

Чу Цзюинь сидел на краю кровати, не смея смотреть раненому в глаза. Но тревога не отпускала. Он осторожно взял Янь Цзызюня за руку, проверяя пульс.

Спустя мгновение его лицо изменилось. Лекарство не помогло. Напротив, пульс стал ещё слабее, он скользил, как нитка, почти исчезая под пальцами. Лицо Янь Цзызюня стало совсем серым — так выглядят покойники перед тем, как их тело окончательно остынет.

Даже нечувствительный Чу Цзюинь понял: время истекло. Смерть уже стояла в дверях.

Его захлестнуло раскаяние. Он привык спасать, а не убивать — тем более вот так, собственноручно. Что, если Янь Цзызюнь говорил правду? Что, если тогда действительно произошло недоразумение?

Раздумывать было некогда. Он бережно подхватил Янь Цзызюня. Чтобы не тревожить раны на спине, он прижал его к своей груди, оказавшись в неловком положении. Чу Цзюинь начал по капле вливать свою духовную энергию в его тело.

Энергия совершила полный круг по меридианам, Чу Цзюинь чувствовал, что отдал уже немало. Он решил проверить состояние больного, но, приблизившись к его лицу, понял: дыхание стало совсем редким.

Духовная энергия уходила, как вода в песок. Никакого толка.

Чу Цзюинь проклял тот час, когда решил выпить вина и проспаться всё на свете. Он впал в отчаяние. Даже если он отдаст всё до капли, этого может не хватить.

Стиснув зубы, он сильнее прижал Янь Цзызюня к плечу. Глубоко вздохнул, словно собираясь исторгнуть что-то из самого нутра. Его тело содрогнулось, и из уст выплыла алая жемчужина, озаряя комнату багряным светом. Это было его внутреннее ядро. Бережно, губами в губы, он вложил эту драгоценную эссенцию в рот умирающего.

Прошло время. Когда жемчужина вернулась к Чу Цзюиню, к его лицу наконец вернулись краски.

В этот момент в дверях показался Цзя Лун. Увиденное лишило его дара речи.

Чу Цзюинь, который ещё недавно рвал и метал при одном упоминании Янь Цзызюня, теперь нежно баюкал его в руках. Они сидели так близко, что касались друг друга кончиками носов.

Но больше всего управляющего поразило другое: на щеках господина, обычно бледных, играл густой, непривычный румянец.

<http://bllate.org/book/17484/1695502>